

Новые вводы

Маторин — Борис Годунов

Нет надобности доказывать, что всякий ввод в спектакль требует от артиста огромного душевного напряжения, особенно, если это касается такой грандиозной партии, как царь Борис. Поэтому с чувством особого удовлетворения хочется поздравить Владимира Маторина с олестящим дебютом в «Борисе Годунове» на сцене Большого театра и коллектив театра с таким прекрасным «приобретением».

Образ, созданный В. Маториным, неожиданно высветил, оживил уже во многом увядающий и устаревший баратовский спектакль, заставил внутренне вздрогнуть от щемящего чувства, вызванного непреходящей современностью творения Мусоргского, вновь удивиться его гениальности и прозорливости.

Человек должен всегда оставаться человеком. От суда совести его не спасут ни трон, ни слава, ни золото. Нравственность — вот что драгоценнее и превыше всего в жизни.

Такие мысли вызвал новый исполнитель Бориса.

В. Маторин создал, безусловно, яркий и самобытный образ. Прежде всего он чрезвычайно мужественен, суров, порой резок, не впадает в истеричность даже в сцене смерти, хотя его исполнение полно драматизма.

Уже в первом появлении Бориса при всем его богатырском размахе, силе, величавой поступи владыки мы слышим отчаянную борьбу с муками совести, которая подтачивает эту могучую, взрывчатую натуру.

Щемящая душевная боль вырывается в монологе «Скорбит душа» при внешней величественной статике. Но пока еще Борис — Маторин превозмогает предчувствия — грозный и загадочный взгляд венчает сцену.

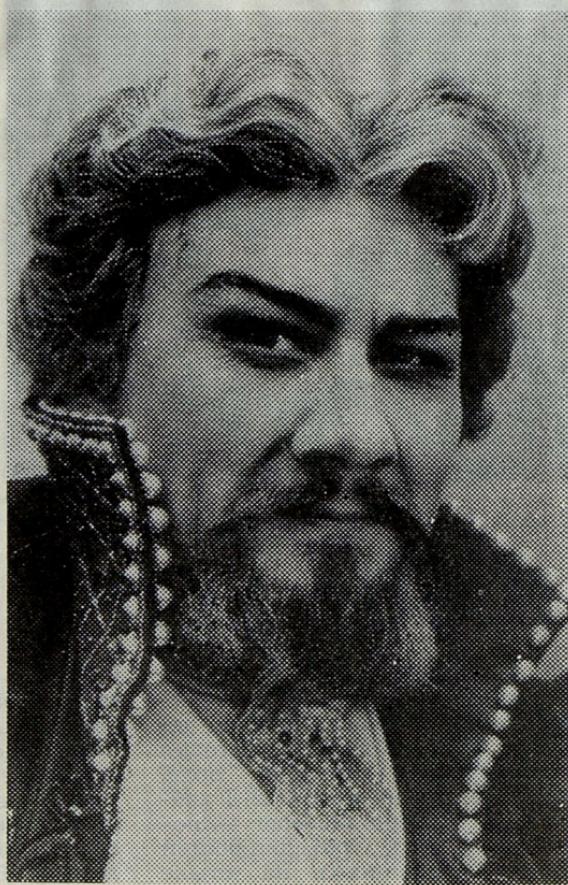
Борис Маторина — многогранен и человечен. С особенной силой и виртуозностью это проявляется в сцене в тереме, где мы видим его и страдающим отцом, и жестоким владыкой, и дальновидным политиком.

Решающий удар Борису наносит Юродивый в сцене «У Василия Блаженного». Его слова «Нельзя молиться за царя-ирода, Богородица не велит» — точно нож вонзаются в сердце Бориса, и он не в силах его вырвать.

В сцене в Думе Борис — уже болен, побежденный собственной совестью. Он откровенно слушает рассказ Пимена, повествование которого — лишь последняя капля для Бориса. И это поражение Бориса воспринимается как победа нравственности, как очищение, катарсис, и оно вселяет надежду. Эффектная сцена смерти закрепляет впечатление.

Образ, созданный Владимиром Маториным, достигает сердца благодаря глубинной, тщательной психологической проработке роли-партии. В этой связи справедливость требует, чтобы мы вспомнили добрым словом режиссера О. Иванова, которая помогла артисту выстроить этот образ в спектакле Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко — пусть мизансценически не такой, как в Большом, но по внутренней трактовке — сходный.

Каждая грань характера Бориса внутренне осмыслена, каждый эмоциональный переход роли-партии внутренне подготовлен и оправдан. Музыка Мусоргского как бы пропущена ар-

тистом через свое «я» и потому по-новому заразительна.

Страдания Бориса, его внутренняя борьба, сложность и многогранность природы выявлены через непрерывность линии развития образа — каждое сценическое мгновение Бориса — Маторина наполнено переживанием, лаконичной, выверенной пластикой, умением общаться, слушать партнера, но главное — голосом, убедительными вокальными интонациями.

Голос В. Маторина насыщен, ровен, красив во всех регистрах. Его манеру пения отличает простота, без излишней «округлости», преемственной «благородства» звука, что неожиданно снимает привычный налет рафинированной изысканности, свойственной некоторым исполнителям Бориса, приближает его к простым людям: в своей сфере, при своих предлагаемых обстоятельствах делает его средоточием страданий русского народа.

Недостатки? Их можно было бы и не замечать, но такому вдумчивому, талантливому, темпераментному артисту, как Владимир Маторин, наделенному богатыми возможностями, к тому же только начинающему свой путь на сцене Большого, хочется пожелать большей задушевности, полноты голоса в сценах, идущих на «пиано» (в сцене с детьми, в финальной реплике оперы).

Если придирается, то, пожалуй, чуть формально по внутренней линии проведена сцена галлюцинаций, хотя вокально она спета великолепно (впрочем, это лучше, чем истеричность, тем не менее эмоционального «нутра» прибавить не мешало бы).

Иногда В. Маторин впадает в некоторую речитативность и тогда вокальная линия становится как бы «рваной». Недостаток ли это? Спорно. Быть может, именно эта некоторая «корявость» вокальной линии и приближает его к замыслу Мусоргского?

Во всяком случае, несмотря на известное волнение, Владимир Маторин продемонстрировал свою высокую музыкально-театральную культуру, создал яркий, самобытный и значительный образ царя Бориса в лучших традициях русского оперного театра.

Наталья СЕРГЕЕВА,
кандидат искусствоведения.

На снимке: В. Маторин — Борис Годунов.

Фото К. Ястребова.